

КУЛЬТУРА В «МИРЕ, КОТОРЫЙ ВО ЗЛЕ ЛЕЖИТ» ИЛИ К ВОПРОСУ О НОВОЙ ГРЯДУЩЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Культура нашего времени – десятых годов XXI века – переходная. Это культура перехода в иную цивилизацию. Переход этот может что-то остановить, а нет, так современные изменения в культуре, накапливаясь, переведут ее в иное качество. Это качество связано с принципиально иным взглядом на человека, принципиально иной антропологией, которая господствует в обществе. Этот взгляд (я назову его основанным на примате эмпирического человека, человека, как он есть со всеми его страстями и пороками, ограниченными только некоторыми условными социальными рамками) имел мощное философское обоснование в прошлом, но философы его породившие поклялись бы, что не имели в виду такое результат. И действительно, они не имели.

Начнем наши рассуждения с одного методологического замечания. Как мне представляется, дьявол кроется в коннотациях. А именно в том, что идеи, являющиеся фактами общественного сознания, выступают не сами по себе. А в определенных ассоциациях, одна идея влечет за собой другую, логически с ней непосредственно не связанную, но которая по привычке мышления, сложившейся в ту или иную эпоху, мыслится в совокупности с первой так, как если бы одна следовала из второй. Приведу такой пример. Во второй половине XIX века многие молодые люди загорались благороднейшей идеей служения народу. Но у очень многих из них эта идея связывалась с прогрессистскими идеями, что на практике вело к революционизированию народа. В принципе идеи прогрессизма и служения народу сами по себе не связаны, но дух эпохи состоял в том, что они ассоциировались. Теперь же сам прогрессизм породил ассоциации, от которых рад был бы избавиться.

Итак, проблема нашего времени так же в ассоциации идей. Много говорят об обществе потребления, массовой культуре, которые отучают людей думать.

Но массы народа и в любую эпоху не много думают. Другое дело, что в стабильные эпохи они живут в рамках традиций, порой достаточно глубоких и умных, на которые люди опираются. Но бывают эпохи, когда традиции рушатся. Наступает безвременье. Как правило, безвременье – это очередная смута, после которой прежняя традиция, видоизменяясь, укрепляется, происходит эволюция общества. Иногда – это смена эпох, апофеоз чего – Декаданс – Римский мир периода упадка, после краха которого произошла смена цивилизаций. Но! Новая цивилизация вызрела не на основании идеологием, гулявших среди разлагающегося общества поздней Римской империи, а вызрело почти незаметно в ее недрах как форма культуры, позднюю античность с ее свободой нравов и агностицизмом полностью отрицающая. Сейчас – иначе!

Идет процесс похожий с тем, что происходил в период Декаданса, но каков будет результат? Тут вопрос в ассоциациях идей. А именно, об ассоциировании набора идей, связанных с различными противоестественными проявлениями человека, включая противоречащие инстинкту самосохранения, с идеей права человека, а через нее с прогрессом и научностью. Теоретически мы можем ожидать, что внутри нашей цивилизации содержатся совершенно неожиданные и противоречащие идеологемам безвременья зародыши будущей цивилизации, как то было в Древнем Риме. При этом и в Риме идеология времени упадка имела определенные философские основания. Древнегреческая философия породила софизм и агностицизм, которые привели к представлению о множественности истин, плюрализме мнений, отсутствии Истины с большой буквы, то есть чего-то или Кого-то, Кто есть на самом деле вне зависимости от того, какого мнения мы на этот счет придерживаемся. «И что есть истина?» – устало-равнодушно-иронично спросил в свое время Пилат у Истины. Для него Истины не было, был плюрализм мнений. Эта доктрина родом из Афин. Значительный пласт древней цивилизации держался на ней и

до того, когда она стала всеохватной в период Декаданса. Эта доктрина была осмыслена и по-своему проработана. Но все-таки далеко не так, как она проработана и систематизирована, возведена в принцип в современности. Поколения философов века – века! – осмыслили ее, разрабатывали, учитывали все нюансы, придавали привлекательный вид. И общественное мнение века назад ее приняло. Современность только довела эту идеологию до логического конца.

Я говорю о гуманизме, который предполагает веру в то, что человек по природе хорош, что в нем плохое – только комплексы и наслоения, наследие несправедливости, что противостоит христианству, в котором эмпирический человек, человек как он есть – падший человек, – обладает дурными наклонностями, которые преодолеваются только в процессе преобразования себя с помощью Божественной Благодати, то есть при коренном изменении человеческой природы. Гуманистическая парадигма имеет несколько коннотаций: одна из них – вера в прогресс, основанной на вере, что человеческую природу надо очистить от того, что ее травмирует в социальном смысле, то есть изменить общество. Отсюда – вера в возможность справедливости. Отсюда вообще вера в некую упорядоченность человеческого бытия, отсутствие неизбежно иррационального и в природе человека, и в мире в целом. А из этого вытекает, во-первых, вера в познаваемость мира и возможность его рациональным путем преобразить (то, что называют верой в науку), а с другой, вера в права человека. То есть, в возможность предоставления свободы любым внутренним интенциям человека, если только они рационально (законодательно) не ограничены: «пусть расцветают все цветы», поскольку если человек не нарушает рационально принятые этические нормативы, которые сводятся к «живи и дай жить другим», то он всегда прав. Тут мы видим пример ассоциации идей: утверждение о доброкачественной природе человека в философии гуманизма не было связано с тем, что любая интенция человека, если она не

несет определенный условными общественными нормами вред, – добро. Ибо гуманистическая концепция предполагает естественную мораль, некие естественные, согласующиеся с естеством человека проявления, и их противопоставление противоестественному. Правда, гуманизм подразумевает, что причиной последних является несовершенство мироустройства, а не греховность природы самого человека. Тем не менее, иногда понимание противопоставления естественного и противоестественного вполне отчетливо формулируется и в наши годы. Мне встречались возражения старых, классических гуманистов, например, против гомосексуализма, основанные именно на противопоставлении естественной морали и неестественной, и полагающих, что признание гомосексуализма относящимся к естественному – это отказ от гуманистической цивилизации. Отсюда делается вывод, что право на гомосексуальные отношения не должно относиться к правам человека, а только к определенным привилегиям, даруемым в виде исключения из естественного порядка вещей. Но такой построенный на логике классического гуманизма вывод встречается редко, чаще он подменяется вульгарным гуманизмом.

В этом же ряду противоестественных, признанных естественными парадигм, воинствующий феминизм с его апофеозом аборт и права на свое тело и стремлением к одностороннему доминированию, в том числе, через криминализацию харисмента и подавление неких природных – опять, по логике классического гуманизма, естественных гендерных проявлений – мускулинности и феминности, иными словами, мужественности и женственности. Последнее серьезнее, чем кажется, поскольку способно привести к тотальной вражде в обществе – войне полов. К этому же ряду относится навязанное современным гуманизмом право на групповую культурную идентичность, которое разрушается мультикультурализмом, изначально одной из естественных в определенных ситуациях моделей межэтнического сосуществования, которая, будучи глобализированной,

превратилась в мощное оружие уничтожения Запада как христианской цивилизации. А произошло в идеологическом плане тут вот что: право личности в определенной ситуации признали выше права коллектива, то есть право беженца переселиться в чужую среду и сохранять в ней свои обычаи выше, чем право этой среды защищать свою коллективную целостность.

Тут можно было бы говорить о некоторой избирательности в признании тех или иных прав личности, но причина тут скорее в том, что ситуативно были высвечены именно эти права. Суть неогуманизма в признании любых прав личности, уже даже не всегда с оглядкой на «дай жить другим». И, возможно, со временем эта система будет становиться все более всеохватной и все более эксплицитной, артикулируемой. Теоретическая база под ней, фрагментарная пока еще, станет системной, будет выработана соответствующая законченная философская система. Но если построить ее на основании тезиса, который в ее основе лежит, а он прост: «Бога нет, и все позволено», – то в таком виде теория может стать достоянием только единиц. Поэтому через ассоциацию понятий она будет укоренена в классическом европейском гуманизме, из которого она породилась, но который в своих лучших, но единичных представителях будет настаивать на том, что произошло это через маленькую логическую ошибку. В массе же своей современные европейские гуманисты останутся замороженными неогуманистической коннотацией тезисов о праве на все свободные проявления личности, когда они не нарушают уголовного кодекса, параллельно с декриминализацией все большего числа человеческих интенций, которые люди до сих пор считали преступными (как педофилию).

В итоге мы будем иметь принципиально новую цивилизацию, построенную на новой антропологии. Ее важным атрибутом станет стремление к достижению бессмертия: через медицину ли, через синтезирование ли тела человека из сверхпрочных материалов. Но это само по себе вторично, уже хотя бы потому, что для тех, кто к элите не относится, это пока не является вопросом завтрашнего дня. Это просто фактор, относящийся к построению

новой антропологии. Суть новой цивилизации именно в стирании граней между естественным и неестественным. Это, кстати, скорее, в ущерб гуманистической концепции, чем христианской. В христианстве есть праведность, а есть грех. И грех в известном смысле естественен, ибо падший человек совершает его исходя из своей падшей природы, добродетель же вышеестественна, она достижима только Благодатью Божией. В гуманизме же есть понятие нравственного закона, которое проступки позволяет квалифицировать как естественные, то есть превышение меры, заложенной нравственным законом (например, блуд, как удовлетворение естественной потребности общественно неодобряемым путем) и противоестественные (например, мужеложество, поскольку такой потребности у здорового человека нет).

В новой цивилизации будет повержен именно естественный человек: идеологема естественного человека, с которой европейская цивилизация прожила несколько веков. И в этом смысле уже все равно, будет ли создан искусственный интеллект или насколько лет медики смогут продлить жизнь человеку. Сам интеллект самого обычного человека перестанет быть естественным в том смысле, в котором мы до сих пор это понимали. Он будет качественно другой, как у существа мыслящего не в тех категориях, на которых построена наша культура. Вот нам трудно понять, как мыслили майя, так же совершенно иначе будет мыслить человек, относящейся к новой европейской цивилизации. И мы можем ожидать от него, чего угодно, любой неожиданности. Но это будет человек не вписанный в гуманистическую антропологию, но выросший корнями именно из классической гуманистической цивилизации. Общество потребления – переходный этап. За ним, может быть, последует общество неких интеллектуалов. Но таких, что нынешний потребитель еще будет казаться символом уюта и милого глупого обывательства. Ибо, «если Бога нет, то все позволено».